

ЛИТОВЦЫ привезли весну

У Някрошюса из веревки делают стремена и, гарцуя, покуряют

В спектаклях Эймунтаса Някрошюса важны не люди, а времена года

Газета — 2003 — 28 нояб. — с. 12
АРТУР СОЛОМОНОВ

Режиссер из Литвы Эймунтас Някрошюс, которого не назвали гениальным только ленивый (не полениюсь и я), привез в Москву на фестиваль «Балтийский дом в Москве» спектакли по поэме Донелайтиса. Начал Някрошюс с «Радостей весны», закончил «Благом осени».

Речь в этих спектаклях идет, как рассказывал Някрошюс год назад на пресс-конференции в Питере, «об исчезновении народа и архаического языка». Но, по существу, «речи» в спектаклях Някрошюса вообще «не идет» — здесь говорят предметы, их сочетания, движения, даже паузы и пустая сцена. Как это получается — он и сам объяснить не берется. Однажды какой-то отчаявшийся журналист спросил Някрошюса: «Ну про что же, наконец, ваш спектакль?» Тот затаился сигаретой: «Если бы я знал. Это самый интересный момент нашей работы: идешь, идешь и не дойдешь». Лукавит? Думаю, нет.

В его последних спектаклях человек даже не тварь дрожащая. В «Вишневом саде», в двух спектаклях по поэме Донелайтиса человек — забавная случайность. В этом, естественно, нет никакого уничтожения, скорби или бунта. Как есть — так есть. Вишневый сад все равно продадут, кто-то все равно его купит, весна наступит, осень неизбежна. В театральном отношении это значит: интересен не характер — это уж совсем мелочь, — а в лучшем случае судьба — общая судьба — и те силы, которые на людей влияют. Например, времена года.

Поэтому искать лица в спектаклях Някрошюса по поэме Донелайтиса неправомерно. Персонажи «Радостей весны» и «Благом осени» противоречивы, потому что в каждом умещается вся неустойчивая, зыбкая человеческая порода: вот один метелит полтенцем женщину, вот жалеет ее, бежит по кругу, останавливается, падает, утыкается лбом в тарелку с землей.

Каждый вмещает в себя всех, поэтому противоречив, неожиданен и, с другой стороны, заменим и совсем не важен. Незаменимых в мире, созданном Някрошюсом, нет. Это дает возможность каждому актеру, не придерживаясь четких очертаний характера, быть свободным, а с другой стороны, о проявлении того, что называется индивидуальностью, не может быть и речи. Какая уж тут индивидуальность — подует ветер, и нет тебя, как в спектакле «Благом осени».

«Осень»: вот подул ветер, судя по звуку, холодный, почти уже зимний, и все, кто был на сцене, попадали со стульев. Чуть позже — лучинки, что стояли на столе, по одной упали. Людей снесло ветром, лучинки падают по одной — кажется, не нуж-

но сильно напрягать фантазию, чтобы придумать подобные образы, а зрителю — разгадать и прочувствовать. А когда седлают воображаемую лошадь или жриют веревку, закусывая ее бумажкой (вот, мол, ем пишу вкусную), — ведь так играют дети. Так и студенты готовят свои «этюды на тему». Например, свадьба: кто-то появляется в белых одеждах, в карикатурных бантах невозможных цветов, парни заглядываются на женские попки, девки восторженно визжат, а потом, через пару сцен, кто-то уже забеременел. В том-то и загвоздка, что эпизоды, ясные каждый в отдельности, в целом, в своем течении, загадочны и расшифровке не подлежат. Сиди и смотри. Вопрос в последовательности сцен: Някрошюс рассказывал в интервью *Газете*, что порой начинает репетировать с конца, заканчивает началом, а середину дробит. В итоге спектакль Някрошюса каждому приходится смотреть с начала, а может быть, начало-то совсем не здесь. Словом, прощай композиционная стройность.

И женщина будет говорить от имени мужчины, потом — от имени старика; и парня обмотают фатой, а он сквозь нее будет хрюкать; сверху, на черной площадке, будет расти желтая трава; кто-то будет пить из камня — и все эти превращения воспринимаются зрителем как законные. Мне кажется, это можно объяснить (при всей серьезности, суровости, внешней мрачности спектаклей Някрошюса) тем, что он обращается к детскому восприятию зрителей, воспитанных на сказках: когда законы времени и пространства еще не установлены или легко преодолимы,

когда, кажется, можно и на борове полетать, и в паука превратиться, и с духами поболтать.

В его спектаклях, понятное дело, нет сказочной патоки, но есть ощущение соприродности вещей и событий, которые, кажется, не совместимы вовсе. Ведь, если упростить совсем, когда люди чувствуют связь между, например, черной кошкой и внезапным несчастьем, рассыпанной солью и ссорой, — это проявление того же ощущения глубинной связи всего со всем. Поэтому у зрителя не возникает сопротивления на спектаклях Някрошюса, когда режиссер сближает внешне несвязанные явления, сталкивает несочетаемые образы.

И кстати, о мрачности. Нет этого в спектаклях Някрошюса, которые показали на фестивале. «Благом осени» — именно благо, потому что так заведено, и мечущиеся, радующиеся, дерущиеся существа принимают даже тот ветер, который их сметает. А когда идет дождь — ловят ртом капли воды. И рассказывают о старике, который смешон, и даже конь его седой, и старость его — убогая и жалкая, а по-другому, похоже, и не бывает.

Есть в этом спектакле всеприятие жизни, стоящее по ту сторону счастья или несчастья. И чувство того, что все равно важно и равно бессмысленно: солнце, которое «наши края покидает», и служанка, что, напившись, «у распахнутой двери сблежала»; мальчик, которому зашивают ранку на голове, и всеобщая печаль — хоть и благая, да все же осень!